

ПОЧТА

Наш почтовый ящик

Журнал «Культура и время» выходит уже шестой год, и мы рады, что наши публикации вызывают отклик в самых разных слоях общества. В письмах, которые приходят в редакцию, читатели высказывают свое мнение по самому широкому кругу вопросов, дополняют актуальную проблематику наших материалов своими наблюдениями и размышлениями, спорят с авторами. Мы печатаем в этом номере несколько писем, которые показались нам наиболее интересными. Читатель О. Багрянцев из Санкт-Петербурга рассказывает, как он заинтересовался трудами и жизнью Н.К. Рериха, и упрекает наших оппонентов в отсутствии толерантности. Учительница А.А. Назарова из Москвы размышляет о поиске общего языка взаимопонимания в социальной жизни и в науке и о сопротивлении косной среды. Открывает подборку письмо Г.Ю. Ясько (г. Владикавказ) о «методе Флоренского», обладавшего «шестым чувством». Откликаясь на публикацию переписки Павла Флоренского с семьей, он пишет о своем понимании основных этапов становления его личности и вносит уточнение в периодизацию, представленную на страницах нашего журнала внуком великого русского ученого, мыслителя и богослова — П.В. Флоренским. Мы публикуем письмо нашего читателя и ответ Павла Васильевича Флоренского.

Глубокоуважаемый Павел Васильевич!

С большим интересом ознакомился с Вашей статьей в журнале «Культура и время»¹. Помните, Достоевский сказал — покажите русскому человеку карту звездного неба, и он, видя ее впервые, тут же начнет вносить свои изменения. Так и тут, мне хотелось бы уточнить «первую особую точку» для расчета по закону золотого сечения жизни Флоренского. Этой точкой нужно брать 1899 год, то лето, когда он, пережив преобразование своего сознания, ощутил себя носителем нового мировоззрения, мироощущения. См. главы «Наука» и «Обвал» в книге «Детям моим».

Переступив порог нового мира (тогда, в 1899), он сначала встревожился: «Меня тревожила мысль, не погибнет ли со мною зародыш истинной натуральной философии... но с тех пор я научился благодущию, когда твердо узнал, что жизнь и каждого из нас, и народов, и человечества ведется Благою Волею, так что не следует беспокоиться ни о чем, помимо задач сегодняшнего дня. Ну и сама история убеждает вдобавок, что мировоззрение уже вступило на новый путь и что потому “моему” принадлежит победа, которая будет достигнута и без меня, так что мое личное участие в этом деле есть обстоятельство третьестепенное».

Мы понимаем, что особенность «метода Флоренского» базируется на том, что он обладал «шестым чувством», которым обладали и другие люди, например Платон. О рождении органа этого синтетического чувства у современного человека говорит в своем известном стихотворении Гумилев. Вот и Флоренский, видно, считал это нормальным свойством, которое будет широко распространяться «в массах» в скором будущем, таков природный процесс. Сам он явился одним из первых представителей того типа человека, о котором говорил Вл. Соловьев в своей теории о теургии и богочеловеке.

И Флоренский прекрасно это понимал. Не буду «приводить цитаты».

Бердяев говорил, что учение Флоренского — «стилизованный православие». Он вкладывал в эти слова критический смысл. Я бы сказал — не стилизованное, а адаптированное. Флоренский писал: «Я ставил себе непомерные требования и огромные задачи; передо мной мерцали фосфорические светлы решений, как мне казалось, огромных по своей ценности... Но тут же выяснялось отсутствие потребной для всего этого техники; фосфорический свет не находил себе среды оплотниться...» Те Откровения Истины, которые он получал, он давал в этой форме, «по ясному сознанию, что никакой другой словесной одежды нет, и что, откажись я от этой, то должен буду оставаться вообще без мысли». (Это он писал о языке науки, а я распространил на язык церкви, которым он пользовался, по-моему, тоже — за неимением «лучшего».)

С.С. Аверинцев где-то писал, что церковь, принимая В.В. Розанова, к Флоренскому относится подозрительно. Что же, есть православие Флоренского, православие арх. Бухарева, православие арх. Серапиона, — но есть и православие митрополита Кирилла (Гунзяева).

Я слышал Ваш доклад на пленарном заседании конференции «Космическое мировоззрение — новое мышление XXI века». Было что-то значительное в том, что Вы выступали на конференции о проблемах нашего отношения к разворачиванию мировоззрения, одним из ярчайших носителей которого является Флоренский.

Флоренский — это один из величайших русских гениев, значение которого для эволюции человечества будет расти в наших глазах по ходу этой эволюции. В полной мере это значение поймут не скоро, ведь Флоренский явился нам живым столпом и утверждением Истины.

С уважением,
Георгий Ясько (г. Владикавказ)

¹ «Из Афин к Иерусалиму Небесному». Переписка П.А. Флоренского с семьей в 1904 году. Предисловие П.В. Флоренского // Культура и время. № 3/4, 2003. С. 126—167.

П.В. Флоренский

Очень важно заметить, когда какое-либо событие, произведение искусства или человек с его деяниями уходят из мира реального, вещного в мир абсолютной реальности, в мир символов и мифов. Для каждого из нас его ближайшие предки — это конечно же конкретная реальность, без которых мы и не могли бы появиться на свет. Именно так я и работаю, подготавливая к печати и передавая людям труды своего деда священника Павла Флоренского. Последние годы эту вещную конкретную земную кору, защищающую мою работу от внешнего мира, пробивают, как молнии в храме Гроба Господня в Страстную Субботу, знаки из мира иного. Я их фиксирую в памяти, иногда записываю на бумаге. Дай Бог сил собрать их, собрать знаки горнего мира, которые я вижу, занимаясь трудами мученика священника Павла Флоренского. То это знакомство в вагоне поезда с потомком человека, бывшего рядом с Флоренским последние годы и последние минуты его жизни. То это открытие рукописи, чудом сохранившейся в архиве Мерзлотной станции в далеком Приамурье. То это два раза по две тысячи страниц Дел подследственного Флоренского П.А., хранившихся среди секретных материалов в архиве НКВД. А в них — о чудо! — доносы СС (секретного сотрудника), секота в просторечии, которые просто обязаны были уничтожить.

Теперь труды П.А. Флоренского усилиями его потомков становятся общим достоянием настолько, что их даже воруют, издавая в нарушение авторских прав потомков. Слава Богу! Воруют только ценное. Поэтому это ли не оценка!

Еще одна область — сомыслие с Флоренским его читателей и исследователей. В письме Г. Ясько, где он пишет о своем видении Флоренского, все сказано с предельной ясностью, поэтому нет необходимости его комментировать. В качестве иллюстрации мыслей, изложенных в этом письме, хочу напомнить читателям страницы из книги о Павле Флоренском «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней», относящиеся к лету 1899 года, где он размышляет о «сопребывании двух различных смыслов» и взаимопроникновении объективных и субъективных символов.

«<...> Окна и двери были открыты настежь. Судя по тому, что мысленным взором я не вижу никого из домашних, вероятно, они уже уехали на дачу. Я спал глубоким сном, похожим на обморок, так даже сновидений не было, или, во всяком случае, они забылись еще до пробуждения. Но соответственно сильным было чувство, правильнее сказать, мистическое переживание тьмы, небытия, заключенности. Я ощущал себя на каторге, может быть, в рудниках — не видел себя в таком состоянии, а только имел чрезвычайно существенное последствие его для внутренней жизни, — ощущал так, как если бы находился в таком руднике. Применяя термины, тогда мной еще не употреблявшиеся, я сказал бы: это безобразное и невыразимое переживание, потрясшее меня, как удар, было мистическим, и притом — в чистом виде. Я испытывал огромное страдание, которое подавляло меня, хотя тут не было каких-либо учитываемых причин сознавать свою гибель и свою смерть. Это было как самоощущение заживо погребенного, когда над ним лежат целые версты черной непроницаемой земли. Это был мрак, пред которым кажется светлой самая темная ночь, мрак густой и тяжкий, — воистину тьма египетская; она обволакивала меня и давила. Было ощущение, что те-

перь никто не поможет, никто из тех, на кого я привык рассчитывать как на нечто незыблемое и вечное, не придет ко мне, даже не узнает обо мне. Я ощущал также бессильными все свои интересы, занятия. Не то чтобы появилось какое-либо сомнение в правильности или в неправильности физики и всего прочего, даже в самой природе. Нет, все это просто осталось *по ту сторону* чего-то, мне непроходимого, стало необсуждаемым, лишенным какого бы то ни было жизненного значения, тряпками, которых не станешь ни хвалить, ни порицать при агонии. С острой, не допускающей никакого сомнения убедительностью я ощутил бессилие всего занимавшего меня до тех пор, в той, новой для меня, области мрака, куда я попал. Тут *свои* потребности, *свои* страдания. Очевидно, должны быть и свои средства и свои радости. Непосредственным чувством я искал их, но не находил, бросался к выходам, но наталкивался на стены, путался в подземельях и проходах. Мною овладело безвыходное отчаяние, и я осознал окончательную невозможность выйти отсюда, окончательную отрезанность от мира видимого. В это мгновение тончайший луч, который был не незримым светом, не то — неслышанным звуком, принес имя — *Бог*. Это не было еще ни осияние, ни возрождение, а только весть о возможном свете. Но в этой вести давалась надежда и вместе с тем бурное и внезапное сознание, что — или гибель, или — спасение этим именем и никаким другим. Я не знал, ни как может быть дано спасение, ни почему. Я не понимал, куда я попал и почему тут бессильно все земное. Но лицом к лицу предстал мне новый факт, столь же непонятный, как и бесспорный: есть область тьмы и гибели, и есть спасение в ней. Этот факт открылся внезапно, как появляется на горах неожиданно грозная пропасть в прорыве моря тумана. Мне это было *откровением*, открытием, потрясением, ударом. От внезапности этого удара я вдруг проснулся, как разбуженный внешней силой, и, сам не зная для чего, но подводя итог всему пережитому, выкрикнул на всю комнату: “Нет, нельзя жить без Бога!”

1923.XII.24. Так сказав, я и сам был удивлен — и звуком своего голоса, произвольно вырвавшегося, и самым содержанием слов: пережитое во сне было сильно, но слишком глубоко, в точном значении этого слова, и потому не имело себе никакой формулы. Когда же эта последняя сказалась, то естественно возникало чувство неожиданности, несмотря на внутреннее признание этой формулы как выражающей пережитое <...>

Обыкновенно, в какой бы области я ни размышлял, мысль шла сама собой и почти без моего ведома, тогда как сознание бывало занято совсем другим, нередко обратным тому, что готовилось на большой глубине. Это была совсем не логическая мысль, а скорее присматривание к некоторой новой области, ощупывание ее и внутреннее к ней приспособление. Когда оно достигалось, само собой возникало и *слово* его. В качестве слова оно никак в процессе своего формирования не соотносилось с другими словами и потому не было с ними слажено; поэтому-то оно и казалось сперва и мне самому чем-то неожиданным. По корню же своему, его вырастившему, оно было родным и хорошо знакомым, подходило к строю мысли в ее целом даже лучше привычных, истершихся других слов. Оно выступало в сознании как чуждое ему и вместе с тем как заветное и защищаемое с гораздо большей искренностью, нежели все остальное, уже не вызывавшее чувства умственной неловкости. Так бывало с новой мыслью во всех областях, и потому новое меня самого одновременно и удивляло и ощущалось как давно уже свое и усвоенное.

Таким же, но обостренно таким сказалось то, приведенное выше слово — о жизни без Бога. Но бывали случаи, когда эта произвольность слова представлялась мне уже прямо данной извне, как восприятие явившегося во внешнем мире, который был вместе с тем и внутренним. Было ли это галлюцинацией, если к психологическому механизму этих восприятий подходить, как говорят, “по-научному”? — Не думаю. Моя психика всегда была крепко сшитой, и воздействия на нее из глубины не подавляли привычного мне и с детства вкорененного самообладания; как бы ни был я взволнован и потрясен, исследование происходящего никогда не опускалось. И относительно упоминаемых здесь случаев, как бы ни была жива глубокая уверенность в их потусторонней реальности, параллельно производится учет и той внешней среды, в которой воплощалось потустороннее.

Итак, это не было галлюцинациями; но не было, однако, и иллюзиями, если разуместь под последними ошибочное перетолкование восприятий и подмен их смысла некоторыми другими того же плана, к которому они дают повод, но которому они не могут быть признаны достаточным основанием. То, о чем говорю я, скорее, должно быть определено как сопребывание двух различных смыслов, принадлежащих к разным планам действительности в одном и том же восприятии, причем один смысл не уничтожает другой, но оба сознаются одновременно, хотя и с различным коэффициентом ценности. Когда такое взаимопроникновение смыслов наибольшую реальность имеет со стороны низшего смысла, восприятие мы рассматриваем как символ, с окраской субъективности. Но бывают, хотя и реже, случаи обратные; тут более ценный смысл восприятия ощущается и как более реальный: это — символ объективный, видение»².

Редакции журнала «Культура и время».

Добрый день! Я постоянный читатель, а теперь и подписчик вашего журнала (дети подарили подписку). Пенсионерка, образование у меня гуманитарное, дома тихо, есть время подумать и оглядеться вокруг. Не помню, кто из космонавтов говорил, что когда он глядел на нашу планету с высоты, его поразила очевидная и простая мысль: на Земле нет границ. Не видны они из Космоса, нет их, люди сами их нагородили, придумали. Это удивительное чувство — ощущение единого пространства культуры, всеединства жизни на Земле, вне времени и вне возраста, — вы помогаете укрепить, и оно поддерживает во мне жадный интерес и вкус к жизни. Оно защищает от суеты, которая вокруг и внутри нас. И в телевизоре то же самое: «улица корчится безъязыкая», по Маяковскому, — люди, партии, страны кричат, обвиняют друг друга, мучаются, хитрят, уличают, оскорбляют, и все без толку, — нет общего языка, договориться не могут. У вас в одном из первых номеров была статья «Культура диалога»³ — очень полезная.

Язык взаимопонимания — как основа, практика, норма общения и сотрудничества — не выработается, пока космическое сознание не станет достоянием всех. Ну, хотя бы многих. Может быть, это утопия. Но уникальный опыт семьи Рерихов, о которых вы с такой бережной любовью и так достойно рассказываете, дает надежду.

Удивительно, как благодаря вашему журналу приблизился ко мне Серебряный век (в двенадцатом веке я и раньше чувствовала себя лучше, он мне ближе, кажется, чем двадцатый). Но Серебряный век — нервный, дерзкий, трагический, — словно ожил. Теперь и Блок, и Андрей Белый, и Гумилев, и Лосев, и весь «философский пароход» (в меру моих возможностей, конечно) — стали моими друзьями и собеседниками. И Скрябина я слышу по-другому, и Чюрлениса вижу иначе. И Рихтера люблю еще самозабвеннее. А Восток и Запад, евразийство — все это ново для меня и очень интересно.

Статьи Л.В. Шапошниковой, можно сказать, штудирую: они помогают воссоединить и встроить в другую, новую систему координат все, что знала раньше, чему учила детей, чему учили меня и чему научилась сама, чему научили жизнь и книги, — а книги я старалась читать хорошие. И еще — эти статьи, этот взгляд на мир как на «саморазвивающуюся систему духа» вбирает в себя и распаивает такие дали многознания, что дух захватывает.

Очень интересна тема синтеза наук, религии, искусств, она у вас сквозная в журнале. Это трудное чтение, много специальных терминов, но потрудиться стоит. Мне кажется, и тут,

² Флоренский П. Детям моим. М., 1992. С. 211—214.

³ Герасимова И.А. Культура диалога // Культура и время. 1/2, 2002. С. 6 — 15.

как и в социальной жизни, главное препятствие в том, что нет общего языка. Но все равно все неизбежно идут навстречу друг другу.

Душа отзывается всем мыслям Николая Константиновича Рериха. Особенно его словам, обращенным к «многоуважаемому шкафу»: «Обернемся к книжному шкафу не только как утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творящая радость?» Мне кажется, вы в своем журнале недостаточно «даете слово» Николаю Константиновичу, — цитат много, и все, что мы читаем в журнале, разумеется, имеет отношение к Рерихам, но слышать его «прямую речь» — это удовольствие особое, и впечатление особое, и дневники у него чудесные, они написаны общедоступным языком русского интеллигента, но между строк неохватно вбирают весь космос Культуры, пронизаны им, независимо от того, какова тема записей.

Сопереживаю тем трудностям, которые ваш музей испытывает на своем пути. Отражено это «сопротивление косной среды» чувствую даже на себе: многим мое увлечение идеями вашего журнала кажется чудачеством, романтизмом, заумью. А мне теперь скучно стало с теми, кто вздохнул живет на том уровне, на который нас погружает тот же телевизор (справедливости ради: и там случаются счастливые встречи, когда с радостью и благодарностью различаешь людей культуры, «своих по крови», — у них и глаза другие, и слова, и интонация, и аргументы, и вся система ценностей). Таких собеседников рядом не очень много, тех, кому интересно все, что для меня стало необходимым. Но тем драгоценнее «роскошь общения» с ними. Поэтому я и решилась написать вам это письмо.

Спасибо.

Анна Алексеевна Назарова, педагог (г. Москва)

Уважаемые коллеги!

Я православный человек и не раз встречал в периодической печати статьи дьякона Кураева на тему «духовной брани». При всем моем интересе к этой теме читать их было неприятно — во всех этих материалах бросается в глаза неприкрытая агрессивность и неприязнь автора к любому инакомыслию. «Бранится» он совсем не духовно, а вполне в духе советской идеологической критики, которой мы, представители среднего поколения, успели хлебнуть в восьмидесятые годы прошлого века. Или вспомните знаменитый слоган поколения шестидесятых: «Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст!» К счастью, идеологических материалов на страницах наших газет теперь стало гораздо меньше (если не считать периоды выборов в органы власти всех уровней). Поэтому статьи Кураева и его пересказчиков так режут глаз (и сердце).

Но, с другой стороны, именно благодаря этим статьям я заинтересовался Рерихами. Конечно, я и раньше слышал о них, видел репродукции, но книг не читал. А теперь подумал: «Кто же эти люди, если их так озлобленно ругают?» У знакомых раздобыл старый потрепанный томик «Избранного» Н.К. Рериха, прочел с большим интересом. Нигде не встретил ничего, что противоречило бы моему пониманию Православия, как-то оскорбляло или расшатывало его устои. Потом познакомился с Живой Этикой — в интернете. Очень хотелось понять, каково отношение Рерихов к Православию, тем более что недавно, побывав в Москве в командировке, я с большим удовольствием посетил экспозиции в Музее Востока и Музее имени Н.К. Рериха. А потом зашел в храм, который был неподалеку от музея, и на стене обнаружил инструкцию для готовящихся к исповеди, где среди грехов, обязательных к покаянию, в числе ересей значилось чтение книг Рерихов. (На мой взгляд, добавлять к де-

сяти заповедям еще пару десятков пунктов — не есть правильно, но, возможно, я что-то не так понимаю.)

И тут ко мне случайно попал один из номеров журнала «Культура и время», где я обнаружил материал «Рерихи и православие: история одной переписки»⁴. Это было откровение! Я прочел историю взаимоотношений Н.К. Рериха с церковными иерархами его времени, и сколь разными были эти взаимоотношения — от «светлых встреч с просвещенными православными иерархами», в числе которых были самые уважаемые люди того времени, до обвинений со стороны харбинских священников и со стороны отца Иоанна Шаховского. Надо сказать, я был удивлен, что отец Иоанн, написавший такие замечательные книги, как «Слава Воскресения», которая актуальна и по сей день для каждого человека, ищущего Христа в своем сердце, мог быть способен на такие недальновидные выпады против своего не менее известного современника и соотечественника, так же, как и он, оказавшегося за пределами горячо любимой Родины...

Письма же Н.К. Рериха к отцу Иоанну, его возвышенное почитание православных Святых, и прежде всего преподобного Сергия Радонежского, вызвали восхищение. Конечно, кроме преподобного Сергия у русского народа было немало воспитателей — и Нил Сорский, и батюшка Серафим Саровский, оптинские и валаамские старцы, но каждому вольно выбирать свой любимый Образ, лишь бы это было ко благу его души. Интересно было увидеть, как православная духовность в зеркале иноверческих культур обретает новые имена, и наоборот. Царевич Иосаф, о котором записано в Голубиной книге, как оказалось, — один из вариантов жития царевича Сидхартхи, которого почитают как просветленного Будду. А преподобного Сергия на Востоке, как следует из письма Н.К. Рериха, признавали и даже называли Майтрейей (Буддой будущего, пришествия которого ожидают буддисты) те, кому Рерихи говорили о его великом мировом значении.

Рерихи шли всю жизнь за преподобным Сергием, старались повторить его духовный подвиг. Это смелое дерзание духа, но, как можно видеть из насыщенных духовной благодатью картин Николая Рериха (которыми проиллюстрированы письма художника), это было дерзание во благо.

Я считаю, что публикация этой переписки весьма своевременна. Она дает пример высокой толерантности в отношениях, когда люди пытаются найти пути друг к другу не в обыденности, но на уровне духовных понятий, которые не меняют своей сути от изменения имен в разных культурных традициях.

С уважением,
Олег Багрянцев, журналист (г. Санкт-Петербург)

⁴ Рерихи и православие: история одной переписки. Предисловие О.А. Лавреновой // Культура и время. № 4, 2002. С. 118—133.

